

Егор Гайдар: «Здоровые идеи рано или поздно оказываются востребованными».

– Егор Тимурович, в прошедшую среду вы выступили при большом стечении членов российской деловой и политической элиты с докладом, посвященным стратегическим перспективам развития России. Доклад наделал много шума, было много комментариев. Большинство присутствовавших восприняло главный пафос этого выступления прежде всего как своего рода полемику с нынешним правительственным экономическим курсом – что не надо никого догонять, а надо просто понять, что это бесперспективно, что необходимо определить какие-то основные приоритетные направления развития экономики и, учитывая это, спокойно двигаться вперед?

– Я действительно убежден, что нам не надо никого догонять. Когда нам говорят о том, что главная задача России – догнать Португалию по дешевому валовому внутреннему продукту, то я хочу напомнить, что мы эту задачу уже один раз решили, и произошло это в 37-м году. Но счастье почему-то не наступило... На мой взгляд, в таком подходе есть некий огромный комплекс неполноценности.

На самом же деле перед нами стоит серьезнейшая задача, цель которой – обеспечить поступательное стабильное экономическое развитие России: постепенно наращивать российский ВВП и таким образом приближать наши стандарты, инфраструктуру и уровень жизни к наиболее развитым странам мира. Да, это амбициозная задача, но мы имеем все основания надеяться, что сможем ее решить. А бегать наперегонки с кем-то... Зачем?

– Но когда говорится, что мы отстали от практически всех развитых стран Запада на два поколения, т.е. на 50 лет, то попытка догнать их и перекрыть этот разрыв кажется неосуществимой.

– На мой взгляд, это не так. Первое: Россия действительно начала тот процесс, который с подачи замечательного американского экономиста российского происхождения, лауреата Нобелевской премии по экономике Саймона Кузнеца получил название современного экономического роста.

И начался он примерно на два поколения позже, чем в крупных странах континентальной Западной Европы. Прошло чуть меньше полутора веков, мы пережили

две мировых войны, гражданскую войну, две революции, крах двух империй. Тем не менее эта дистанция в два поколения сохранялась. Значит ли это, что мы обречены всегда отставать от Запада? Нет, не значит. И, на мой взгляд, вопрос этот почти бессмысленный, потому что здесь невозможно прогнозировать.

По-настоящему же интересно и важно для нас то, что путь наиболее развитых стран Запада за последние полвека – это путь по решению тех проблем, которые встанут на нашем пути в ближайшие полвека. Может быть, мы и сможем пройти эту дистанцию быстрее, но это очень трудно прогнозировать. Однако нам придется встретиться с тем же набором проблем, с которым сталкивались Англия, Франция, Германия примерно между 1950 годом и сегодняшним днем.

– Егор Тимурович, мы постоянно слышим критику в адрес правительства за то, что ВВП вырос не на столько процентов, на сколько прогнозировалось. И я ведь не случайно спросил вас о том, нет ли в ваших тезисах полемики с таким вот желанием подхлестнуть рост ВВП?

– Конечно, есть. Я очень боюсь подхлестывания темпов роста. Нет ничего более простого, чем на следующие два года подхлестнуть темпы роста. Как это сделать, знает, собственно, любой, прошу прощения, идиот. Например, возьмите 20 миллиардов долларов в долг у Центрального банка, разместите заказы на российских оборонных предприятиях или начните, как предлагал мэр Москвы Юрий Лужков, перебрасывать сибирские реки в Среднюю Азию – и на два года темпы роста ВВП вам обеспечены. Но потом вы получите тяжелейшие экономические последствия всего этого и вам будет очень больно.

Сегодня мы сталкиваемся с фундаментальной проблемой. Да, правительство проводит структурные реформы медленнее, чем мне хотелось бы, но в целом разумно. Оно работает над тем, чтобы создать базу долгосрочного устойчивого роста российской экономики. Но, видите ли, такая беда со структурными реформами: это вещь очень важная, очень полезная, стратегически осмысленная, однако не дающая быстрых результатов. Взять, к примеру, рейгановские структурные реформы 80-х годов: конечно, они заложили основу динамичного роста американской экономики 90-х, но для этого нужно было десять лет. Здесь еще присутствует и проблема политического цикла: пришел новый президент, пришло новое правительство, оно проводит важные структурные реформы. Возьмем хотя бы судебную систему, где нет революции.

Реформа проводится, но судебная система по-прежнему крайне неэффективна. И она не будет эффективной, что бы вы ни делали. Можно быть самым гениальным президентом России, но для того, чтобы повысить качество судебной системы, нужны годы, годы и годы систематических усилий. К сожалению, желание сконструировать что-

нибудь быстренько, сделать что-нибудь популярненькое к выборам начинает набирать поддержку в экономико-политической элите.

– Егор Тимурович, в своем докладе вы выделяете четыре приоритетных направления, причем в известном смысле довольно неожиданных. Вы подробно говорите о проблемах миграции, о военной реформе, об образовании и здравоохранении. Это действительно сейчас, на ваш взгляд, приоритетные направления развития?

– Да. Из нетривиальных. На самом деле, конечно, есть масса вещей, которые просто недоделаны. Из той же, на мой взгляд, в высшей степени разумной правительственной программы на 2000-2004 годы многое не сделано. Но что об этом говорить? Надо просто делать.

– Расскажите коротко об этих четырех направлениях.

– Есть действительно стратегические вещи, которые, как мне кажется, не вполне поняты обществом. Например, военная реформа. У нас политическая элита до сих пор, на мой взгляд, пребывает в заблуждении, что наши нынешние проблемы с армией – массовые уклонения от призыва, бегство военнослужащих – это какая-то текущая неприятность: ну так получилось... А сейчас мы тут немножечко на живую ниточку подошьем – и все будет нормально.

И нет понимания того, что кризис системы призывной армии – это вообще характерная особенность всех постиндустриальных обществ, что призывную армию в том виде, в котором она возникла в Европе в конце XVIII века, постиндустриальные общества не могут себе позволить.

Потому что одно дело, когда вы имеете призывную армию в стране, где средняя женщина рождает семерых детей, из которых половина не доживает до 18 лет, а другое дело – иметь призывную армию в стране, где женщина рождает в среднем 1,2 ребенка, как сегодня в России, Италии, Испании, Германии, Японии. И в этой ситуации представляется полной иллюзией надеяться на то, что вам отдадут единственного ребенка в призывную армию – и не из деревни, где для него это способ социального продвижения, а из города, где он собирается идти получать высшее образование. Можно, конечно, закрыть существующие сейчас лазейки, но возникнут другие, т.е. взятки перераспределятся.

Наши проблемы с призывной армией и необходимость перехода к контрактной армии – это не текущая случайность, не политическая конъюнктура и не мода. Это просто реальность всех постиндустриальных обществ. Штаты в 70-х годах не смогли себе позволить иметь призывную армию и ушли от нее. Тяжело, но ушли. Мы тоже

вынуждены будем это сделать. Это одна из вещей, которые, на мой взгляд, требуют просто понимания.

– А миграция? Почему вы решили так подробно об этом говорить?

– Очень многие постиндустриальные страны, то есть страны, которые прошли путь, который нам только предстоит пройти, наделали в сфере миграционной политики много глупостей, потому что там всегда сталкивались два противоположных стимула. С одной стороны, в постиндустриальных странах есть много рабочих мест, на которые очень трудно заманить представителей коренного населения. Если вы посмотрите на реальность Москвы, то увидите, что мы уже во многом живем в этом мире.

С другой стороны, существует проблема, и особенно это характерно для моноэтнических стран, когда они хотят иметь инациональную рабочую силу для работы уборщиками, водителями автобусов, трамваев и так далее, но при этом не хотят иметь их соседями. И вот отсюда происходит крайняя неразумность. Мы наблюдаем некую шизофреничность политики по отношению к миграции, в результате которой Франция, Англия, Германия, Италия, Америка загоняют в область нелегальной эмиграции абсолютно неизбежную трудовую миграцию, которая все равно будет идти, потому что у вас есть спрос на эту рабочую силу и предложение этой рабочей силы.

– А есть позитивные примеры стран, где разумно строится иммиграционная политика?

– На мой взгляд, Канада – типичный пример разумной миграционной политики. Там больше половины иммиграции – это трудовая миграция, легальная, по балльной системе. Канадское правительство имеет свою программу, свою систему отбора: мы хотим таких-то специалистов, с таким-то знанием английского языка, с таким-то уровнем образования, в таких-то возрастных группах и так далее. И по этому каналу в Канаду попадает больше половины всех иммигрантов.

В Австралии существует подобная программа, хотя и менее масштабная, чем канадская.

– А это применимо к российским условиям?

– Конечно, применимо, даже более чем применимо. У нас есть фундаментальное преимущество перед большинством стран, поскольку мы окружены государствами, которые объединились и в которых живут миллионы русских и десятки миллионов русскоязычных людей, то есть выращенных в традиции русского языка и русской культуры.

И мы имеем полную возможность разработать программу по их привлечению в Россию: по привлечению на службу в российской армии, по привлечению самых

способных студентов из СНГ в российские университеты, по привлечению нужных нам трудовых иммигрантов для работы в России, предоставлению им вида на жительство, прав гражданства, если, скажем, они служат в российской армии. Все это – тот потенциал, который на самом деле мало у кого есть в мире.

– А вы не боитесь, что если ваши предложения и идеи будут приняты на вооружение, то через наши границы на Дальнем Востоке и в Сибири хлынут миллионы китайцев?

– Ну вы же понимаете, что у нас на самом деле проницаемые границы и, следовательно, к нам идет трудовая иммиграция из многих стран, включая Вьетнам и Китай. И здесь перед нами стоит вопрос выбора: будем ли мы сами выстраивать собственную иммиграционную политику, выбирая, кого мы хотим (хотим ли мы в первую очередь привлекать людей, которые знают русский язык, пишут по-русски и воспитаны в русской культуре?), или мы получим иммигрантов, которые не знают русского языка и которые придут к нам по каналам нелегальной иммиграции. Вот и все.

– А как вы думаете, насколько ваши предложения, ваши идеи будут востребованы?

– У меня довольно длинный опыт участия в политическом процессе в России, и я знаю, что здравые идеи раньше или позже оказываются востребованными. Когда мы предлагали свою реформу налоговой системы, включая плоский подоходный налог, а это было в 97-м году, казалось, что это абсолютно за гранью всяких политических реалий.

Сегодня это реализовано и, более того, воспринимается как банальность. Поэтому я убежден в том, что наши предложения будут востребованы. Вопрос – когда.

– Но ведь для того, чтобы какие-то идеи были востребованы и дошли до адресата, до тех, кто принимает такие существенные решения, которые необходимы в данном случае для реализации ваших идей и предложений, нужны какие-то технологические каналы. Например, нужно, чтобы вы имели возможность прийти в Кремль и общаться с президентом. Не так ли?

– Нет, этого не нужно. Хотя я, в общем-то, могу прийти в Кремль и при необходимости пообщаться с президентом. Но дело не в этом. То, что мы сейчас с вами обсуждаем, означает, что эта тематика становится по крайней мере обсуждаемой в экономико-политической элите и на эту тему начинают думать. Есть аргументы за, есть аргументы против, но она перестала быть несуществующей. Как только она становится существующей, рано или поздно разумные решения оказываются принятыми.